



ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 187–194
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 187–194
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-187-194>
EDN: QWFXAZ

Научная статья
УДК 32+303

Политическая ответственность «цифрового поколения» как вызов будущему российской политики

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Аннотация. Настоящая публикация посвящена анализу одной из причин, по которым в сознании «цифрового поколения» молодых граждан Российской Федерации постепенно, на протяжении последнего десятилетия, теряет своё значение одна из главных ценностей демократической политической культуры – ответственность гражданина за состояние политики и своё место в ней. Причиной, по мнению автора, являются завышенные ожидания субъектов государственной политики цифровизации России, что массовое и повсеместное внедрение соответствующих технологий в государственные и общественные практики способно быстро и эффективно решить большинство организационных и коммуникативных проблем в политике, экономике и культуре, включая образование. Завышенные ожидания мешают субъектам политики цифровизации быть внимательными к предупреждениям специалистов по поводу рисков для политического будущего России, которые несёт ускоренная цифровизация. Последняя создаёт для молодого гражданина условия, когда он легитимно может подменить свою активность в реальной политике и ответственность за последствия своих действий активностью в использовании цифровых технологий, прямой ответственности за качество и последствия использования которых он не несёт. Вызовом для настоящего и будущего российской политики является высокий уровень готовности «цифрового поколения» молодых граждан транслировать своё неприятие политической ответственности из сферы цифровых коммуникаций в сферу реальной политики.

Ключевые слова: государственная молодёжная политика, будущее России, политика цифровизации

Для цитирования: Шестов Н. И. Политическая ответственность «цифрового поколения» как вызов будущему российской политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 187–194. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-187-194>, EDN: QWFXAZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

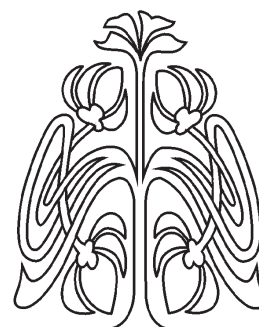
Article

Political responsibility of the “digital generation” as a challenge to the future of Russian politics

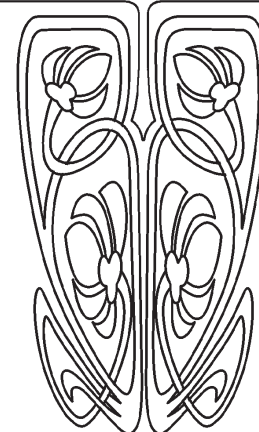
N. I. Shestov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia
Nikolay I. Shestov, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

© Шестов Н. И., 2025



**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**





Abstract. This publication is devoted to the analysis of one of the reasons why one of the main values of democratic political culture, i.e. the responsibility of a citizen for the state of politics and their place in it, has gradually been losing its significance in the minds of the “digital generation” of young citizens of the Russian Federation over the past decade. The author believes, that the reason is inflated expectations of the subjects of the state policy of digitalization of Russia that mass and widespread introduction of relevant technologies into state and public practices can quickly and effectively solve most organizational and communicative problems in politics, economics and culture, including education. Inflated expectations prevent subjects of digitalization policy from paying attention to the warnings of experts about the risks for political future of Russia that accelerated digitalization creates. The latter creates conditions for a young citizen when (s)he can legitimately replace their activity in real politics and responsibility for the consequences of their actions with activity in the use of digital technologies, for the quality and consequences of which (s)he does not bear direct responsibility. A challenge for the present and future of Russian politics is the high level of readiness of the “digital generation” of young citizens to transmit their rejection of political responsibility from the sphere of digital communications to the sphere of real politics.

Keywords: state youth policy, the future of Russia, digitalization policy

For citation: Shestov N. I. Political responsibility of the “digital generation” as a challenge to the future of Russian politics. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 187–194 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-187-194>, EDN: QWFXAZ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Российская политика сегодня сталкивается со многими проблемами. Можно даже сказать, вызовами, если принять во внимание их масштаб. Одни вызовы имеют внешний характер. Сегодня это экономические санкции, «отмена» достижений отечественной культуры, военные провокации со стороны ближайших соседей и заморских «партнёров». Эти вызовы опасны. Но опасность компенсируется в значительной мере их очевидностью для участников политических практик. А очевидность, в свою очередь, облегчает выбор способов противодействия им. Обычный ответ на угрозы применения военной силы – это наращивание собственной силы. Ответ на экономические санкции тоже, в принципе, давно найден. Это развитие производства необходимых товаров и услуг на собственной ресурсной и технологической базе. На «отмену» за рубежом достижений российской культуры наши государство и общество сегодня отвечают тоже вполне адекватно – «отменой» тех ценностей, которые принципиально дороги нынешним гонителям всего российского.

Более сложной является ситуация с теми вызовами российской политике, которые зарождаются внутри неё самой. Сегодня одним из таких вызовов (возможно, наиболее значимым, если исходить из его прогнозируемых последствий для настоящей и будущей российской политики) является изменение в представлениях молодых российских граждан о политической ответственности. Ответственности вообще, как ценности современной демократической политики, и личной ответственности в частности.

Далее понятие «политическая ответственность» будет использовано нами в специфическом значении. Это понятие характеризует такое состояние сознания субъекта политики,

которое настраивает его на внимательное отношение ко всему, что в ней происходит, и ещё более внимательное отношение к собственным реакциям на происходящее. То есть к тем своим мыслям, высказываниям и действиям, по которым другие участники политического процесса, включая институты государства и гражданского общества, будут опознавать в нём либо политического союзника, либо оппонента.

Недавнее исследование, проведённое в 43 регионах РФ, показало, например, что только чуть более 50% молодых граждан, активно участвующих в политике и проявляющих лидерские наклонности и карьерные намерения, «понимают свой гражданский долг и ощущают личную ответственность за будущее страны» [1, с. 14]. Другая половина опрошенных, согласно тому же исследованию, предпочитает руководствоваться в политическом участии соображениями личных интереса и выгоды.

Подобную же, не слишком оптимистичную картину рисуют авторы другого исследования, проведённого в том же 2024 г. Они отмечают, что «отзывчивость многих молодых людей ... на призывы антигосударственных сил “спасать демократию” и бороться “за всё хорошее против всего плохого” является ... прямым следствием того, что в глазах учащейся молодёжи ценности гуманитарного знания, наследия политического опыта своих предков теряют своё значение» [2, с. 177–178]. По их мнению, в распространении популярности радикальных политических идей и способов гражданского действия важнейшее значение имеют «эффект толпы», эйфория от соучастия в революционных событиях, «драйв» от собственной «смелости» в борьбе со всем, что вызывает недовольство и неприятие. О возможных реальных последствиях такой радикальной



борьбы, о её конкретных политических целях большинство представителей молодёжи, как показало исследование, всерьёз не задумывается [2, с. 178–179].

«Они, – утверждают авторы, – откликнулись на навязанную им извне информационную повестку, ядро которой составила агрессивная критика отечественного исторического опыта государственной и общественной жизни. В своём гражданском сознании они назначили государство виновным в неспособности и нежелании противопоставить такой критике собственную конструктивную и чёткую позицию и отказали ему в политической поддержке» [2, с. 181–182].

Не менее критичны оценки исследователя А. В. Селезнёвой: «Представления молодежи о долге дифференцированы: она признает за собой долг человека, но отвергает долг гражданина. Молодые люди не готовы брать на себя ответственность за других, а порой, и за себя тоже. Ответственность за обеспечение общественных благ и удовлетворение своих потребностей они возлагают на государство» [3, с. 47].

За этими оценками стоит большая проблема для настоящего и, особенно, будущего российской политики. Суть её в том, что представители поколения, которое исследователи и публицисты нередко именуют «цифровым», не демонстрируют ясного и устойчивого понимания того, за что и почему в жизни общества и государства они обязаны нести персональную и коллективную ответственность по факту обладания статусом, а также правами и обязанностями гражданина Российской Федерации. В нынешней непростой для России внешнеполитической ситуации такое отношение представителей «цифрового поколения» к своему ответственному участию в ней представляет собой реальный вызов российской политике.

Какова природа этого вызова? Прежде, во времена СССР, тоже далеко не всегда и не все молодые люди проявляли политическую ответственность. Большие проблемы с политической ответственностью были в 90-е гг. прошлого века и в первое десятилетие века нынешнего у многих представителей «поколения реформ». Исследователи политического участия советской и постсоветской молодёжи обычно объясняли эти отклонения от политико-культурной нормы недостатками в воспитательной работе с молодёжью государственных и общественных институтов, а также естественными трудностями

адаптации молодых людей к последствиям радикальных либеральных политических и экономических реформ.

Такого рода объяснения можно было бы принять и сегодня. Недостатки, если хорошенько поискать, можно обнаружить в самой что ни на есть хорошо поставленной политико-воспитательной работе и на них списать специфическое отношение «цифрового поколения» к участию в российской политике. На кризисные явления в нынешних российских политике и экономике сослаться будет труднее, чем в прежнее время, но при желании тоже можно. Вопрос в том, насколько такие традиционные аргументы будут работающими и достаточными при объяснении нынешней ситуации с недостаточно ответственным отношением молодых российских граждан к политике и своему участию в ней. Потому как, судя по категоричным высказываниям исследователей, цитированных выше, в неответственном отношении молодых людей к политике они склонны видеть уже не частную девиацию их политической культуры, а одну из доминант этой культуры, т. е. некую качественную характеристику мировоззрения «цифрового поколения».

Возможно, у вызова, каким является не слишком сознательное отношение к нынешней и будущей российской политике значительного числа молодых людей, есть ещё одна причина. На неё намекает сама метафора «цифровое поколение»: сообщество людей, изменения в образе жизни и мыслей которых, в сравнении с предшествующими поколениями, явились следствием развития и распространения всевозможных цифровых технологий, вплоть до «искусственного интеллекта».

Нужно, правда, уточнить, что не сами по себе цифровые технологии и их распространение спровоцировали «цифровое поколение» на демонстрацию нежелания отвечать за происходящее в жизни государства и общества. Эти технологии принесли человечеству много пользы, несомненно, принесут ещё при здоровом отношении людей к их употреблению. Они на сегодняшний день уже позволили существенно оптимизировать решение отдельными людьми и целыми государствами многих сложных проблем, включая организацию политических коммуникаций и управления политическими процессами. Условия для этого нежелания долгие годы создавала сама государственная внутренняя политика минувших лет. Государ-



ство доступными ему правовыми, пропагандистскими и административными средствами, при активной поддержке либерально настроенных отечественных исследователей многие годы внедряло в сознание своих граждан представление о себе как источнике всевозможных «услуг», политических в том числе. Гражданин же этими предоставленными государством «услугами» волен воспользоваться либо не воспользоваться, в зависимости от своих интересов к комфортному быту, карьерному росту и налаживанию социальных связей. В такой ситуации естественно, что ответственность за качество «услуги» (в нашем случае – российской политики) гражданин-потребитель не спешит возложить на себя. Ответственность его сознание перекладывает на того, кто «услугу» предоставил, т. е. государство.

Кроме того, не сами по себе вездесущие, но содержательно малопонятные большинству пользователей цифровые технологии стали в последнее десятилетие катализатором особенно активного распространения в «цифровом поколении» нежелания нести ответственность за что-либо в политике. Катализатором стали завышенные ожидания государственных управленцев и значительной части рядовых граждан нашей страны того, что политика ускоренной цифровизации совершит переворот в качестве политики, экономики, культуры, механизмов государственного управления и повседневной жизни рядового гражданина, выведет их на принципиально новый уровень.

Эти завышенные ожидания заявили о себе в публичных дискурсах государственных управленцев самого высокого уровня¹, в стремлении граждан, преимущественно молодых, как можно более расширить свои возможности общения в социальных сетях и особенно в актуализации в коммуникациях между властью и обществом нового идеологического импера-

тива, кратко сформулировать который можно так: «Без цифры нет будущего!» Императива, в сопоставлении с которым традиционные социально-политические ценности теряют свою прежнюю значимость регулятора политического, шире – культурного выбора молодого человека, конкуренцию которому проигрывают и классические политические идеологии. Последние ориентировали гражданина на то, что его политическая субъектность прямо зависит от его сознательности и активности. Новая «цифровая идеология» ориентирует представителя «цифрового поколения» на то, что его политическая субъектность зависит больше от прогресса цифровых технологий и его способности воспользоваться ими в самых разных жизненных ситуациях, включая политическое участие. Легитимации нынешней государственной политики ускоренной цифровизации России такая идеология содействует. В какой мере последствия её укоренения в российской политике содействуют ответственному отношению молодых людей к своему политическому участию – это вопрос.

Отечественная наука своими аргументами тоже, заметим, помогает распространению таких завышенных ожиданий [4–7]. Специалисты, опираясь на зарубежные теории «информационного общества» и отечественную статистику использования молодыми людьми новых технологий коммуникации, усматривают прямую зависимость политической активности молодых граждан и успешного будущего всей российской политики от технологического обеспечения и меры вовлечённости этих граждан в разного рода цифровые коммуникации друг с другом и с государственными учреждениями, от их возможностей использования передовых цифровых технологий.

Внимание нынешних исследователей и организаторов молодёжной политики, сосредоточившихся на популяризации плюсов процесса цифровизации России и на доказательстве выгод активного участия молодых людей в этом процессе, как-то мало привлекают предостережения. Например, со стороны политологов и социологов, анализирующих социально-политические, социально-экономические и правовые риски ускоренного распространения «цифры» на самые разные области частной и общественной жизни молодого российского гражданина. Итогом такого анализа являются рекомендации соизмерять выгоды от распространения техно-

¹ Мишустин назвал цифровизацию приоритетом председательства России в СНГ. URL: <https://ria.ru/20241212/mishustin-1988795775.html> (дата обращения: 05.02.2025); Михаил Мишустин провёл стратегическую сессию о реализации инициатив социально-экономического развития: цифровая трансформация и строительство. 6 февраля 2024. URL: <http://government.ru/news/50789/> (дата обращения: 05.02.2025); Шадаев назвал главные тренды цифровизации в России до 2030 года. 26.10.2023. URL: <https://ria.ru/20231026/shadaev-1905333357.html> (дата обращения: 05.02.2025); Фальков: трансформация образования позволит развить IT-инженерию и инженерию живых систем. 19 октября 2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16095141> (дата обращения: 05.02.2025).



логических новаций с социальными рисками, смотреть на ситуацию в этой сфере российской внутренней политики прагматичней и критичней [8–12]. Тем более, мало кого из апологетов «цифры» трогает озабоченность педагогического сообщества страны, отмечающего такой риск управленческих государственных решений в образовательной сфере, как «переоценивание роли цифровизации жизни (в частности, цифровизации сферы образования), вызывающее ложные завышенные ожидания от данного процесса»².

Видятся две, как минимум, причины, по которым сегодня в российских власти и обществе охотнее прислушиваются к мнению специалистов, призывающих думать, в первую очередь, о благах цифровизации, а не к тем, кто призывает проявить в данном вопросе разумную осторожность.

Во-первых, это глобальных масштабов ажиотаж, который в последний десяток лет заметно нарастает на рынке цифровых продуктов и услуг. Особенно в том сегменте этого рынка, который сегодня захватывают создатели технологий искусственного интеллекта. Последние начинают существенным образом влиять на другие сегменты этого рынка [13]. Ажиотаж подогревает у агентов рынка, а за ними и политиков, и рядовых граждан, болеющих душой за Отечество, опасения не успеть, образно выражаясь, вскочить на подножку уходящего вагона. Ажиотаж никогда не был благоприятным условием для критической оценки плюсов и минусов сложившейся ситуации.

Во-вторых, цифровизация представляет собой ресурсозатратный процесс. Это в том числе значительная нагрузка на государственный бюджет, особенно когда речь идёт о сферах образования, медицины, а также о разных направлениях молодёжной политики. Эти затраты нуждаются в оправдании. Популяризация достижений политики цифровизации оправдывает в глазах её субъектов всевозможные ресурсозатраты, особенно, когда этому не сопутствует критический анализ вероятных социально-политических и управленческих издержек и рисков.

Рассуждать о достоинствах политики цифровизации и игнорировать при этом проблему её неоднозначных последствий организаторам и исследователям этой политики помогает ещё одно обстоятельство. В России успешно работают и наверняка ещё долго будут работать традиционные социальные механизмы конструирования представлений молодого гражданина о своей политической ответственности. Российские семья, школа, вуз, трудовой коллектив и т.д. воспроизводят в сознании молодых граждан традиционную для мира демократий мифологию политической ответственности гражданина. Согласно ей реальные политические события первичны, тогда как информация о них вторична, представляет собой лишь бесконечный ряд субъективных, а потому *a priori* мало достоверных интерпретаций. Чтобы составить для себя верное представление о политике, гражданин должен непосредственно и активно поучаствовать в политических событиях и составить собственное представление о том, что «на самом деле» произошло и каковы для него и его страны будут последствия произошедшего. Его конечный политический выбор должен основываться на осмысленном отношении к фактам, т. е. к тому, объяснение чему человек смог найти, исходя из собственных наблюдений за политической жизнью.

На этой традиционной мифологии политической ответственности гражданина основывались и его личный политический выбор, и оценка состоятельности этого выбора другими участниками политического процесса. От советской эпохи до нашего времени главным признаком политически ответственного поведения гражданина остаётся (в этом пункте совпадают идеологические позиции коммунистов и либералов) его активное участие в реально происходящих политических событиях. Политическое неучастие есть проявление гражданином «политического абсентеизма», есть вредное для его политической субъектности отклонение от общепринятой в демократической политике нормы политической ответственности. В постсоветское время эта традиционная мифология политической ответственности стала отправным пунктом для продолжительной дискуссии отечественных обществоведов и государствоведов по поводу наличия либо отсутствия в постсоветской России настоящего (в либерально-демократическом смысле) гражданского общества, по поводу возможности

² Переговорная площадка по обсуждению Стратегии развития образования на период до 2036 года с перспективой до 2040 года. Подвызовы, предложенные экспертным сообществом Саратовской области. Вызов 5. Цифровой скачок и масштабная цифровизация жизни. URL: <https://soiro64.ru/wp-content/uploads/2025/01/materialy-obsuzhdenija-proekta-strategii.pdf> (дата обращения: 29.01.2025).



такое создать усилиями самих граждан либо их усилиями совместно с государством [14, 15].

Тем не менее политический опыт других стран показывает, что надежды на компенсирующую роль традиционных механизмов формирования у молодого поколения сознания своей политической ответственности могут себя не оправдать. Перемены в представлениях субъектов российской политики о политической ответственности являются лишь частным случаем глобального тренда. Та же перемена в императивах политической культуры «цифрового поколения» обнаружила себя в многочисленных «цветных» революциях и других массовых протестных движениях против легитимных структур государственного управления. Она заявила о себе приходом к власти в Старом и Новом Свете и при активной поддержке со стороны гражданских обществ элит, для которых «интересы природы» абсолютны, а интересы человека относительны, для которых некие «правила», в качестве основы внутренней и внешней политики, превыше национально-государственных интересов, традиций и правовых норм. Резкая, но вполне справедливая оценка их новой стратегии политического участия звучит так: «Перед нами элита статуса, а не персонального достоинства. Она формальна и далека от идеала самой идеи ЭЛИТЫ. Поэтому к ней допустимы такие приставки, как “псевдо”, “анти” и “квази”. Сами по себе такие прибавления автоматически заносят этих объектов высокой политики в разряд карнавальной культуры, низводя их профессиональный авторитет до самого примитивного уровня. Именно с этим примитивным уровнем мы и имеем дело, когда произносим словосочетания “современная политическая элита”» [16, с. 88].

Российские наблюдатели часто с удивлением констатируют факт политической безответственности властных элит на Западе. Предаются ностальгическим воспоминаниям о временах Генри Киссинджера, Ричарда Никсона, Гельмута Коля, которые Россию тоже не сильно любили, но слово, данное политическому оппоненту, держали. А потому с ними можно было вести политические дискуссии любой сложности и надеяться на конструктивный результат. Вдруг, сокрушаются отечественные политические аналитики, вся эта ответственность западных элит, личная и корпоративная, испарилась буквально в течение пары десятков лет. Хуже того, к власти эта новая генерация элит пришла

вполне демократическим путём. Это означает, что значительному числу рядовых граждан из того же «цифрового» поколения свойственен тот же способ мышления и такое же пренебрежение политической ответственностью.

Можно и дальше смягчать оценки рисков для будущего российской политики, происхождением своим обязанные тому, что уже сегодня определяющую роль в ответственном политическом выборе многих молодых людей играют цифровые «кальки» политических событий, гуляющие по просторам Интернета. Те, которые лавинообразно рождаются и живут в информационном пространстве относительно самостоятельной жизнью как раз благодаря широкому применению и массовой востребованности цифровых технологий, а теперь ещё и технологий, выходящих на уровень искусственного интеллекта. Сам политический процесс стал играть в формировании гражданской позиции молодого человека роль меньшую, чем его отражение в коммуникациях, обеспечиваемых цифровыми технологиями.

Но нельзя не замечать, что процесс изменений в основах политической культуры уже выходит за границы активности «цифрового поколения». Свойственное этому поколению отношение к политической ответственности универсализируется, становится свойством российской политической культуры вообще. Упомянутый процесс распространяется на сферу государственного управления, на политический процесс. Информационные кальки управленческих решений (приказы и отчёты) стали более достоверным свидетельством реальности проделанной работы, чем сама реально проделанная работа. Политические фейки тоже, заметим, не случайно получили широкое распространение и приобрели такое влияние на умы нового поколения участников политики во всём мире и в нашей стране. Их создатели и распространители паразитируют на потребности этого поколения постоянно сверять понимание происходящего в политике с его цифровым следом и на этой сверке больше, чем на собственном опыте и рациональных доводах, основывать политический выбор. Обратная сторона такого «следопытства» – это озабоченность участников политики не столько её реальным состоянием, сколько состоянием её цифровой «кальки». Формула «Не запостил – значит, не было!» для сознания «цифрового поколения» это уже не парадокс. Это, скорее, аксиома, маркер специфического



способа мышления, для которого свойственно сомнение в реальности того, что скупое или совсем не отражается в «зеркале» массовых коммуникаций с применением цифровых технологий. А это уже такой вызов нынешней и будущей российской политике, игнорировать который и не думать о способах ответить на который неразумно и в нынешних геополитических условиях просто опасно.

Всякие исторические аналогии условны, но в нынешнем увлечении возможностями цифровых технологий есть нечто от веры наших предков в магическую силу «философского камня». В существование, иначе говоря, универсального средства разом сделать мир людей и человеческих отношений таким, каким он нам видится в идеале. С искателями «философского камня» нынешних апологетов ускоренной цифровизации роднит уверенность, что в их руках находятся технологии, позволяющие одни проблемы личности, общества и государства успешно решить, а появление на их месте новых проблем, возможно, не менее сложных, исключить.

Такое представление игнорирует логику движения политического процесса и вообще развития социальных структур и социальных практик. Развитие имеет место как раз потому, что люди, успешно решив одни свои проблемы, в итоге сталкиваются с последствиями таких решений. А последствием, как правило, является спектр новых проблем и необходимость искать и находить для них новые решения. Иной раз новые проблемы возникают там, где их никто не ждал. Казалось бы, замечательной технологической находкой стало в своё время европейское книгопечатание. Современники увидели в нём способ раз и навсегда решить проблему сбоев в коммуникациях между человеком и церковью, раз и навсегда избавиться от разночтений в Священном Писании, а значит, от естественных предпосылок для ересей и церковных расколов. От разночтений избавились, но создали благоприятные условия для того, чтобы значительно расширился круг читающих и по-своему толкующих прочитанное, уверенных в правильности своего понимания прочитанного. Новой проблемой стали Реформация и полуторавековые религиозные войны в Старом Свете. Сходным образом нынешние попытки оптимизировать при помощи новейших технологий массовые коммуникации и доступ для людей к разнообразной информации тоже породили инфор-

мационные войны уже в глобальном масштабе. И, судя по успехам технологий искусственного интеллекта, в ближайшей перспективе угасания такого рода конфликтов не предвидится.

Список литературы

1. *Коряковцева О. А.* Общероссийская ценностная система и воспитание гражданина // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 2 (20). С. 5–18. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2024-2-20-5>, EDN: VJEXTB
2. *Вилков А. А., Шестов Н. И., Казаков А. А., Труханов В. А., Семенова В. Г., Богданов А. В.* Идеиноценностные основы политической культуры провинциальной молодежи / под ред. А. А. Казакова. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2024. 184 с. <https://doi.org/10.18500/978-5-292-04859-6>, EDN: HDAHFT
3. *Селезнева А. В.* Политическая мораль современной российской молодежи: ценности, представления, установки // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 47–60. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-4>, EDN: NQWIWW
4. *Гришаева С. А., Шамаев П. А.* Политическое участие молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. 2022 Т. 5, № 1 С. 25–35. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-1-25-35>
5. *Насырова Р. А. Родионова М. Е.* Формирование политической культуры российской молодежи в цифровом пространстве // Научные исследования и инновации : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 22 мая 2021 г.) / отв. ред. Н. В. Емельянов. М. : КДУ ; Добросвет, 2021. С. 239–256. EDN: DDVWRI
6. *Хорошавина О. Н.* Влияние цифрового медиапространства на политическую активность молодежи // Молодой ученый. 2024. № 52 (551). С. 184–187. URL: <https://moluch.ru/archive/551/121284/> (дата обращения: 03.02.2025).
7. *Баранов Н. А.* Цифровое политическое участие как форма политической мобилизации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 3 (64). С. 66–72. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2020-64-3-066-072>, EDN: CTZZVT
8. *Алексеева Н.* «Нужен аудит систем ИИ»: IT-специалист – о проблемах и выгодах внедрения технологий искусственного интеллекта. 30 декабря 2021. URL: <https://ru.rt.com/k8jd> (дата обращения: 03.01.2025).
9. *Халин В. Г., Чернова Г. В., Калайда С. А.* Риски цифровизации и управление ими // Управленческое консультирование. 2024. № 3 (183). С. 67–85. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-3-67-85>, EDN: HDEGQB
10. *Криштаносов В. Б., Бровко Н. А.* Концептуально-аналитические подходы к возникновению потенциальных угроз в цифровой экономике //



- AlterEconomics. 2023. Т. 20, № 1. 216–245. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.11>
11. *Зубарев С. М.* Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 23–32. <https://doi.org/10.17803/19941471.2020.115.6.023-032>
12. *Кунервар Е. А., Мамай Е. В., Мизя М. С., Кунервар Е. А.* Цифровое государственное управление: вероятные риски и новые возможности // Креативная экономика. 2020. Т. 14, № 10. С. 2223–2242. <https://doi.org/10.18334/ce.14.10.110882>, EDN: LVVVVH
13. *Селезнёва А.* Рынок криптовалют обрушился на 240 млрд долларов за сутки. URL: <https://finance.mail.ru/2025-02-03/rynok-kriptovalyuty-obrushilsya-na-240-mlrd-dollarov-za-sutki-64708865/> (дата обращения: 03.02.2025).
14. *Орлова В. А.* Особенности становления гражданского общества в России // PolitBook. 2012. № 2. С. 62–76. EDN: PWKLDN
15. *Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Омельченко Д. А.* Институционализация правовых признаков гражданского общества в современной России // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2019. Т. 2, № 8. С. 353–363. EDN: QLVQLQ
16. *Карабущенко П. Л.* Карнавальная политическая культура современных элит: хроники новейшего политического цирка (проблема когнитивной безопасности) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 83–90. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_83, EDN: ТКАОСХ

Поступила в редакцию 30.01.2025; одобрена после рецензирования 14.02.2025; принята к публикации 20.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 30.01.2025; approved after reviewing 14.02.2025; accepted for publication 20.02.2025; published online 30.05.2025